

ВАЛЕРИЙ БАЙДИН

Родился в Москве в 1948 году. Был близок к движению русских хиппи. В 1978 году под давлением КГБ исключён из аспирантуры исторического факультета МГУ и уволен из Института истории искусств (сектор русского искусства и архитектуры). С тех пор работал внештатным литературным и художественным рецензентом и переводчиком в издательствах и журналах. В 1992 году обучался в Международном центре христианской культуры при Женевском университете. С 1995 года учился и преподавал во Франции, в университетах Нанси и Нижней Нормандии, занимался научными исследованиями (различные аспекты русского модернизма), прочёл курс лекций о культуре сталинизма в университете Сорбонна (в 2002 году),

выступал с многочисленными публичными лекциями о русской культуре разных эпох. Профессиональный литератор. Имеет учёную степень доктора русской филологии. Опубликовал на русском и французском языках более семидесяти научных статей и художественных эссе о религиозной и художественной культуре России — от язычества и средневековья до авангарда и советского андеграунда, а также поэтический сборник «Patrie sans frontières» (Paris, 1996) и фундаментальное исследование «L'archaïsme dans l'avant-garde russe. 1905–1945» (Lyon, 2006). Женат на Ирине Петровне Семёновой-Тянь-Шанской, дочери Меланье 10 лет. Живёт во Франции и в России.

О ТАЙНОЙ И ЯВНОЙ СВОБОДЕ

С Валерием Байдиным беседует Татьяна Ковалькова

— Ваша личность совмещает, казалось бы, несовместимые вещи: академическую образованность, которая невозможна без ориентиров на традицию и классическую культуру, и стремление к абсолютной свободе, выразившееся в близости к хиппи. В этом мне видится парадокс, во всяком случае, на первый взгляд.

— Думаю, парадокса здесь нет. Пространства культуры и свободы совпадают. Культура — способ высшего существования в свободе. Чем больше культуры, тем больше свободы. К этому я стремился с юности, а на бессознательном уровне искал веру. Тогда, в стране навязанной всем неволи, хиппи мне казались единственными стихийными носителями свободы и веры. Но вскоре я столкнулся с православной молодёжью, во мне возник наивный в тех условиях порыв соединить свободу внешнюю и внутреннюю, духовную. А свобода — это для меня почти синоним веры. При том, что свобода, лишённая культуры и веры, порождает дикость, а вера, не знающая этих начал, задыхается в фанатизме. Одно без другого никогда не достигает полноты.

– *А в чём, по-вашему, несвободна современная культура?*

– Многие поменялось внешне, но по существу ничего не изменилось. Культура без веры и внутренней свободы по-прежнему или самоотравляется, мертвеет или лжёт, творит больные мифы, теперь уже постсоветские, в духе журнала «Эгоист generation»: о культе *своей* личности, светлом *потребительском* будущем, праве на удовольствие и пр. Чтобы что-то изменить в окружающей жизни, надо всем возвыситься над собой, необходимо усилие воли и веры. Я почему-то сразу подумал о Пушкине. Он смог это сделать — полностью осуществил себя и потому вошёл в вечность, его не остановила даже ранняя смерть. Следуя за этим гением не только поэзии, но и самой жизни, понимаешь, что в своих высших проявлениях культура и свобода слиты, пронизаны верой. На этой великой триаде основаны и подлинное творчество и подлинно человеческая жизнь.

– *А другие примеры, поближе?*

– Философ Алексей Лосев. Вот к кому совершенно неприменимы слова Цветаевой об Андрее Белом: «пленный дух». С юности главным заветом этого замечательного мыслителя и человека было непрестанное творчество, «наслаждение свободой мысли». Он стал автором более сорока монографий и сотен статей по философии, богословию, эстетике. Да, Лосев был зэком на Беломорканале, где почти ослеп, и с этим недугом до самой смерти жил буквально «внутри себя», заключённый в темницу тела. Но за год до лагерей он и его жена приняли тайное монашество. Вера и величайшая культура вознесли его над внешней несвободой, вывели дух из советской эпохи в «большое время», о котором так любил писать М. Бахтин. Лосев, в отличие от Пушкина, прожил почти столетие, его жизнь также была и трагична, и необычайно выразительна, а значит, «эстетична», если следовать его собственному определению прекрасного.

– *Я вижу в этих двух примерах проявление разной свободы. И Пушкин, и Блок вслед за ним (помните его пушкинскую речь «О назначении поэта»?) «пели тайную свободу», личную, без которой не может осуществиться связь поэта с другими людьми. Они проклинали бюрократическое сословие, которое для краткости называли «чернь», за то, что оно мешает этому. Таким образом, для художника свобода внутренняя так же необходима, как и внешняя. Для духовной свободы, которой обладал Алексей Лосев, русские старцы, внешняя свобода не так важна.*

«На трассе». Армения. Сентябрь 1971 г.

— Соглашусь с вами. Людям исключительно духовной жизни внешняя свобода не так важна, как людям жизни светской, хотя и поэтически возвышенной. И всё же нескончаемый культурный подвиг Лосева, как и «духовное делание» старцев, предполагает минимум свободы в обществе — свободы передачи ближним и дальним своего внутреннего опыта или плодов творчества. Речь идёт о нашем культурном и духовном наследии, общество должно получить его в наиболее цельном виде, а не извлекать из недр очередного КГБ или, что ещё несправедливее, из полного, карающего забвения. Блок, как известно, говорил о триедином служении истинного поэта, который призван постичь откровение свыше, найти для него совершенную форму и отдать свой дар людям. Последнюю цель он считал столь же высоким долгом, как и тайный подвиг вдохновения. Вынужденное одиночество и безвестность в условиях несвободы означает культурную и духовную казнь всего народа, её жертвами являемся все мы, а не только лучшие из нас, наши гении и пророки.

— Эту тесную связь поэта с народом во все времена понимали и осуществляли только большие поэты. Блок определял её исходя из самой природы творчества, а не из социального служения, которое, как правило, навязывается поэту. В этой связи я бы хотела уточнить вопрос: не в разном ли понимании свободы кроются причины столь частого взаимного недоверия культурного и церковного сообществ?

— О «сообществах» говорить в этом случае вряд ли следует. Всё происходит на личном уровне, с каждым по-разному. Человек духовной, праведной жизни никогда не станет ограничивать свободу человека светского и, тем более, человека творческого. И ошибки и трудный поиск истины, поиск «поступка» неизбежны для каждого. Не ошибается лишь тот, кто не думает, не верит, не любит — живёт и слепо действует по приказу, до самой смерти. Кто-то ищет такого немыслимого «послушания духовнику», кто-то, увы, его требует. Но даже в монастыре полное послушание даётся лишь единицам, тем, кто идёт к Богу путями «неисповедимыми» (за него должен исповедоваться, но уже в своих грехах, взявший на себя всю ответственность его духовник). Все, включая людей самой высокой жизни, не свободны от ошибок. Однако не доверять внутренней свободе ближнего — это грех нелюбви, мнительности, нежелания простить вину ближнего. Те же подходы применимы и к человеку истинной культуры — не массовой, не гламурной, не «клубной» и пр. Его связь с церковью основана на взаимном доверии и свободе, для него церковь не «социальный институт», которому можно доверять или нет, а соборная личность. Общение с церковью должно быть, прежде всего, личностное — со «своим», уважаемым, любимым священником, отцом духовным, или «батюшкой», как говорят в народе. Ведь точно так же мы общаемся и друг с другом или читая чьё-либо произведение. Культура — тоже отнюдь не «институт», она храмоподобна, в ней веет благодать Божия. Как можно «не доверять» Тютчеву или Шаялину? Можно их не понимать, не принимать, не любить, упорно отстаивать перед гением свою маленькую свободу

и своё «не хочу ничего знать». Представьте на миг, что в духовном мире, в великой и наполовину невидимой для нас церкви тоже есть свои Пушкины, Глинки и Суриковы — гении мудрости и сердечной веры.

— Ваши слова о том, что вера, лишённая культуры и свободы, порождает фанатизм, являются лишь философским высказыванием или у вас есть на этот счёт свои наблюдения?

— Увы, такие наблюдения есть не только у меня. Если выразиться по-русски, то фанатизм — это «неистовость», неистинность самой веры, или «исступление», отступление от правоверия. Фанатичной становится вера, ослеплённая страхом перед внутренней свободой и ответственностью за свою жизнь. Заточившие себя в «темнице веры» безобидны, но крайне зависимы и часто больны. Но есть и агрессивный фанатизм, мрачный манихейский «террор веры», которая калечит сознание других, веры сектантской, «отречённой». Тут примеров без числа, даже среди православных по виду людей: от несчастных «голгофников» начала XX века, призывавших всех мученически «умереть со Христом», до нынешних почитателей Ивана Грозного или недавних пензенских пещерных сидельцев, так и не дождавшихся светопреставления. Тенью фанатизма во всех видах является суеверие — суетная, блуждающая в «сумерках разума» и часто весьма злобная вера.

— Таким образом, мы с Вами вернулись на круги своя и по сути уже говорим о Любви, без которой невозможны ни внутренняя свобода, ни подлинное творчество.

— Конечно, мы всё время говорили о ней. Любовь, «вечное возвращение» к сути вещей... В истинном смысле она всегда связана с верой, свободой и внутренней культурой. Кстати, именно эта непоказная культура часто поражает в так называемых «простецах», людях необразованных в привычном смысле.

— Действительно, народ является носителем языковой стихии, из которой человек культуры выкристаллизовывает гармонию стиха или литературного текста, не так ли?

— Именно это и утверждал Велимир Хлебников, которого я очень люблю: «кто знает русскую деревню, знает о словах, образованных на час и живущих веком мотылька», «сама воля народная» вручает поэту «право словотворчества». Для пишущего человека основа основ — это родное слово. Язык зреет веками, вместе с народом. И человек меняется одновременно со своей речью. Она отражает немощь его души, но высвечивает и все её прозрения. В романе «Сва» я, кроме прочего, пытался показать языковое взросление русских хиппи, которые от «прикольного» сленга буквально прорываются к искренним, простым и великим словам, начинают говорить на языке жизни, а не юношеских «придумок». Для меня язык — это небо культуры. Его сводов не достигают ни пошлость ни брань. В его глубинах рождаются великие откровения. Выше поэтического слова только Бог.

РУССКИЕ ХИППИ И ПРАВОСЛАВИЕ

Попытка ненаучного осмысления

Существует множество журналистских статей и различных исследований, посвящённых движению хиппи в России. Опубликованы литературные произведения, воспоминания, манифесты наиболее видных его участников. После их прочтения неизбежно приходишь к мысли, однажды уже высказанной в Сети: «написать *историю хиппи* не реальнее, чем зарисовать водопад»¹. Русский хиппизм плохо поддаётся всевозможным описаниям, однообразие которых давно набило оскомину. Неизмеримо важнее уловить его суть и попытаться понять: каким образом это насквозь прозападное, протестное, рвущееся в будущее движение привело немалое число его участников к православию — глубинной и по сути «антизападной» основе русской культуры?

Глядя под этим углом зрения, попытаемся отступить от всех правил — изобразить птичьей стаей в полёте, зная, чем он закончился...

1 июня 1967 года, в День защиты детей, на Пушкинской площади в Москве горстка молодёжи чужеземного вида призывала изумлённых прохожих отказаться от ненависти, насилия, потребительства и принять систему ценностей, основанную на любви. Их проповедь длилась недолго и вряд ли была услышана, если не считать милиции и вездесущих «органов». Так, согласно мифу, в России возникла Система.

Первые русские хиппи вместе с их вдохновителем Юрой Солнце (Бураковым) избрали для своих собраний площадку у памятника Маяковскому — «Маяк». Туда уже много лет вечерами привычно стекалась московская богема, приходили битники-одиночки (интеллигентные бродяги, читавшие по-английски), неброско одетые иностранные журналисты и внимательные зеваки в штатском. Это место — первая проталина хрущёвской «оттепели» — было знаменито бесстрашными выступлениями вольнодумных поэтов в 1958–1961 годах. Завещанием того «Маяка» стало дерзкое стихотворение Юрия Галанскова «Гуманистический манифест». Вряд ли хиппи много об этом знали, хотя сама Система во многом основывалась на гуманистической утопии «преображения жизни». Их не интересовала политика, гораздо больше их больше манил скрытый под толстым слоем бронзы образ нищего юноши-поэта в мятой шляпе и с шёлковым бантом на груди.

Юра Солнце (Бураков).
Основатель московской Системы.
Конец 1960-х гг.

По образу жизни и месту в культуре хиппи были близки к русским авангардистам первых десятилетий XX века. Оба движения были тесно связаны с запад-

ными влияниями, но сохранили своеобразие, оба возникли на разломах отечественной истории — накануне падения царской и советской империй. И те и другие остро чувствовали «время перемен» — когда из недр народного подсознания под видом апокалиптического мифа о «новой жизни» всплывала разбуженная революционным кризисом архаика. Не ведая о Бахтине, и авангардисты и «системный народ» смехом противостояли страху и насилию. «Карнавальное празднество», словесная игра и отчаянное шутовство под всевидящим оком власти были их вызовом миру несвободы. Вслед за футуристами хиппи жаждали экстаза, который называли «кайфом», искали смысла жизни за её пределами, провозглашали «гибель» искусства, «конец» поэзии, «смерть» мещанства и его морали. Но в этом всеотрицающем анархизме и тогда и потом угадывались древние коды самонастройки — перехода в будущее через точку хаоса и небытия. После «распыления всех форм» с неизбежностью возникал новый канон, однако в 1970–1980-е годы вместо сталинской «неоклассики» в культуре и самой жизни начали проступать строгие образы православия...

Слово «хиппи» казалось синонимом юности, помогало сохранить душу в мире лжи. Они взирали далеко на запад от рубиновых звёзд, говорили на сленге, чтобы избежать газетного «новояза», и надевали крестики, ещё не задумываясь о вере. Среди молодых они стали первыми, кто осмелился объединиться во имя свободы и решил полностью «оторваться» — от безликой толпы «строителей коммунизма» и от земли, насильно превращённой в «Советскую Родину». Оторваться ввысь.

Их можно было узнать по глазам. Всё остальное было дополнением к их взглядам — на собеседника и на жизнь. Внешность, украшенная знаками иной судьбы, средневековые лица в локонах длинных волос, красиво перехваченных на лбу лентами или тесёмками, обрывки заумных разговоров, смеющаяся речь, улыбки хмурым прохожим, внимательное молчание. Они были другие, не сливались с окружающими. Если набраться духа, подойти и спросить: «Кто вы?» — в ответ слышалось: «Мы живём, чтобы любить... Оставайся с нами, и всё поймёшь».

В каком-то дворе окружённая друзьями девушка пела под гитару:

Я знаю вас — вы ищете небо,
Небо, чтоб улететь...

Это была пронзительная правда о каждом из Системы. От нескольких гитарных аккордов навсегда отключалось радио, голубым огнём сгорали телеэкраны, навек глохли голоса

Питерские системщики. Конец
1970-х гг.

из Кремля, стремительно уменьшался город, увешанный красными лозунгами. И из уличного шума возникала музыка другой жизни: «The Beatles», «Queen», «Pink Floyd», «Yes», «Genesis»... Откровением были и свои, услышанные вживую или по магнитофону песни, каждый их крик и вздох. « — ...Кто это? — Разве не знаешь? Это Гребень. Гребень волны...»

...Дети кислотных дождей, от которых чернеет листва и смертельно белеют лица. Как часто они искали вслепую, шли мимо солнца, мыслью стремились в нижние бездны, верили наугад, торопливо влюблялись и легко отчаивались. Чтобы это понять, нужно было погрузиться в душу хоть одного из них. Сквозь черноту растаявшего зрачка на ледяное дно, где слой за слоем отложилась быстро прожитая молодость — мелкий мусор слов и глупых пирушек, неразличимые следы встреч и мимолётной любви, не похожей на любовь.

Как могло так случиться? Они казались лучшими, первыми среди всех. И первыми стремительно ушли — будто четвертовали собственные жизни. Остались их песни, россыпи забытых стихов, рисунки, блёклые фотографии. У них почти не было вещей, а те, что имелись, расходились по друзьям и незнакомым людям. На всех делились кров и еда. Но дорога, даже если они шли вместе, у каждого была своя. Она казалась бесконечной, на ходу из ничего возникал праздник, и когда кто-то вдруг падал, это невозможно было понять. Ведь нельзя устать от радости и свободы. Увы...

Разум отказывался принять бессмыслицу жизни. Надвое раскалывалось сознание: «Есть Бог? Или есть только смерть?» Вера рождалась искрой от удара в сердце. Вдруг становилось ясно: никогда ничего не поймёшь, пока не войдёшь в храм. Ну, в конце концов... Сколько можно вместе с толпой ходить вокруг и глазеть на происходящее? А что происходит? Непонятно. Какая-то чепуха. Или тайна? Банальная, как зачатие жизни...

В руке пасхальная свечка — тихо горит и греет. Крестный ход оставливается, из распахнутых дверей свет врывается в ночь. Бьют в ушах, в висках колокола, вокруг сотни голосов кричат невысказанное, и от всеобщего радостного безумия, ничего не понимая, ликует душа.

Старик-священник касается пальцами лба, тела, плеч, бережно смотрит в глаза. Всё внутри загорается от его лёгких прикосновений. « — ...Слушай своё сердце и иди не оборачиваясь назад. — Неужели верить так просто? — Путь веры не бывает простым. Она рождается не в глубинах мысленных, а в сердце, вместе с душой, когда разум ещё спит. Поверь себе — и поверишь Богу».

Когда-то загорелые мускулистые комсомольцы и арийские бестии находили своё место в военном строю. А их душа искала себя в заповедной глуши и в православном храме. «... Да, мы не от мира сего. Считай нас блаженными или юродивыми, если хочешь. Кстати, ты Евангелие когда-нибудь читал? Держи! Эта книга сделает тебя свободным». И напоследок усмешка: «При словах „советский интеллигент“ я сразу хватаюсь за это оружие».

Никто из вождей больше не стучал по трибуне, не объявлял о скором наступлении «светлого будущего», но поколение, кому его «торжественно обещали», мрачно ждало приближения сроков. Из толпы ещё не был различим жутковатый 1984 год, а знающие люди уже готовились к худшему. Самые тонкие чувствовали приближение катастрофы: утопия рушилась от собственной адской тяжести. У кого-то сдавали нервы, кого-то сдавали властям. Белые решётки «нового ГУЛАГа» — психушек — надолго захлопывались за очередной жертвой. В них томились свободные души — не «инакомыслящих», просто мыслящих. Остальные предпочитали жить не думая — «как все» — или мусолили в кармане партбилет, ожидая, когда ненавистная «Совдепия» рухнет сама собой.

На Западе хиппи открыто заявляли о своих правах, создавали коммуны, путешествовали по миру, устраивали грандиозные рок-фестивали. Главным созданием русских хиппи стала Система.

Она опиралась на опыт подпольного выживания «под глыбами», включала в себя сеть квартир, где любой иногородний мог найти у хозяев приют и пищу, и особых мест в каждом городе, где собирались, чтобы пообщаться и послушать песни. «Тусовка» — это глуповатое слово поначалу значило совсем не то, что сейчас... Среди западных хиппи было много выходцев

«Психодром» перед зданием МГУ на Моховой.
1 июня 1977 г.

из низов, в России их среда была высокообразованной, жадно впитывала мировую культуру и порождала в ответ собственную. Уже в конце 1960-х годов родился «ленинградский рок», расцвёл самиздат, в Питере появилась подпольная «сайгонская» поэзия, в Москве — вольные поэты с «Арбата» и с «Гоголей», возникли первые объединения художников-хиппи — «Ирис» и «Фризия».

По природе хиппи были склонны к новейшим направлениям искусства — абстракционизму, сюрреализму, «хэппенингу», «стрит-арту», но в России среди них отчётливо проявилась тяга к искусству религиозному, полузапретному — иконе и буддийской мандале, тибетскому песнопению и шаманскому камланию, индийскому ситару и восточной флейте.

И за рубежом и в России хиппизм возник как радикальное антибуржуазное, «антипотребительское» движение. Все последующие молодёжные «контркультуры», за исключением панков, оказались вполне успешными коммерческими проектами, не более.

Влияние русских хиппи на современную культуру несомненно. От них позаимствована ныне уже привычная сленговая речь, манера стильно оде-

ваться — вопреки официальной моде, традиции неполитических уличных акций и негласных «квартирников» с подпольными концертами и выставками. Посреди оцепенелой советской повседневности они явились вестниками давно забытой жизненной свободы.

И всё же следует признать: движение хиппи слабо укоренилось в России. Даже в период расцвета в середине 1980-х годов во всём Советском Союзе насчитывалось лишь несколько тысяч его участников. (Для сравнения: в 1970-е годы хиппи составляли несколько процентов населения США.) В Системе так и не возникли свои «культовые фигуры» наподобие Керуака, Берроуза или Ферлингетти. Отечественная рок-музыка, акустическая по преимуществу, при всей талантливости её создателей долго оставалась бедной и тусклой по сравнению с западной. Даже слово «хиппи» плохо прижилось, и те, кто себя к ним относил, предпочитали называться «системными людьми», принадлежать к Системе, хотя никакой системы не было ни в мировоззрении ни в организации. «Хиппизм» возник вовсе не для противостояния «советской системе», это движение сложилось как независимое от внешнего мира сообщество свободных людей — без высших и низших. Именно отсутствие какой-либо структуры, вождей и политических программ позволило ему выдержать многолетний натиск КГБ.

Саша Дворкин. 1973 г. Он же — Александр Дворкин, профессор, зав. кафедрой сектоведения ПСТГУ. 2000-е гг.

Идеи, пришедшие с Запада, привились на иную культурную почву, с иными традициями и дали иные результаты. Русские хиппи и не могли и не очень хотели во всём следовать за иностранными предшественниками. Они не жили за счёт богатых родителей, а учились или работали. Они «не боролись за мир», поскольку этим занималась советская пропаганда, а хранили мир в душе. Они не объединялись в «наркокоммуну» с общим имуществом, супругами и детьми. Взрослея, предпочитали создавать семьи, иногда содружества семей, или выжили как могли — в стоическом одиночестве и безграничной свободе.

...Вам, с каждым шагом, словом, помыслом себя из жизни вычитающим, день за днём палящим трын-траву, чьи мозги изуродовали колёса «беспечных ездоков», в чьей крови медленно закипает трупный яд, ваши предшественники кричат из тьмы: «Не идите за нами! Мы искали нескончаемый „кайф“, а нашли бесконечный, невыразимый ужас».

Отказ от наркотиков становился для русских хиппи первым и важнейшим духовным шагом и часто вёл к выходу из Системы. Те, кто выбирал жизнь,

с неизбежностью тянулись к вере, и в большинстве случаев эта вера была православной. Александр Дворкин, активный хиппи с 1973 года, свидетельствует: «...со временем у меня появилось ощущение, что чем-то не тем обернулась вся наша хипповская свобода, особенно когда начались наркотики и когда вчерашние друзья начали друг другу эти наркотики продавать»².

В конце 1970-х годов, после съездов хиппи со всего Союза в Латвии (Витрупе, затем Гауя), единая прежде Система разделилась на приверженцев «психоделической революции» и убеждённых её противников, а иначе на «нарков» и «мистиков». Все они увлекались дзен-буддизмом и йогой, суфизмом и эзотерическими практиками, учениями Рерихов и «православного целителя» Порфирия Иванова. Но для тех, кто отказался от наркотиков, «мистическое» уже означало «оптимистическое» — путь жизни, а не тихое самоубийство «дурью».

Именно тогда среди хиппи стало появляться всё больше тех, кто избрал для себя христианство, хотя до подлинной веры большинству из них было ещё далеко. Все 1980-е годы в Системе предпринимались попытки самоопределиваться. Первые манифесты русских хиппи были написаны под явным влиянием «новой религиозности» в духе «New Age» и знаменитой «Декларации личной свободы» (1966) западного хиппизма: «Свобода тела, достижение наслаждения и расширение сознания». Последнее — с помощью «психоделической революции»³.

В раннем и наиболее ярком манифесте «Канон» (1982) вольный пересказ этих положений увенчивался немислимым, отчаянным вызовом всей окружающей жизни — «правом» на самоубийство.

Автор, Аркадий Славоросов (Гуру), утверждал это право с помощью едкой игры в слова, в непонимание сути: «Откуда, наконец, это суровое табу на самоубийство, особенно суровое у людей, исповедующих религию Бога, обрекающего себя на смерть? <...> Личность — это их единственная непреходящая собственность, самая устойчивая валюта, и всякая попытка её разрушения и саморазрушения вызывает бюргерскую смертельную ненависть собственника»⁴. Получалось, что цель хиппи состоит в достижении «нечеловеческой» свободы — ценой отказа от личности. Но что становится свободным, если вместе с нею исчезает шагнувший «за пределы жизни» человек?

«Гуру» отечественных хиппи явно пытался вернуть в русло «канонического» хиппизма и русскую рок-музыку, которая вслед за хиппи-христианами уже начала отделяться от Системы: «Словечко „рок“ <...> оказалось наиболее ёмким, чтобы вместить в себя глубокую бессмыслицу, истошный шёпот улицы, сохранив набивший оскомину скандальный привкус конфронтации... Рок — эскапизм, бегство от тотального

Гуру (Аркадий Славоросов).
Конец 1970-х гг.

контроля над самим собой... Рок призван провоцировать психоделический взрыв сознания»⁵. К счастью, в русском роке всё было далеко не так. В нём исподволь готовился «религиозный взрыв сознания».

Сталкер (Александр Подберезский). 1985 г.

Ответ на проповедь Гуру пришёл лишь через несколько лет, когда Сталкер (Александр Подберезский) вместе с друзьями (Генерал, Лера Воробей) пустили по рукам остро полемический текст «Хиппи — от Системы к Богу. Манифест трёх системных людей» (Москва, 1986). В нём утверждалось: «психоделическая революция имела под собой солидный теоретический базис... Но история — как наша, так и западная — показала, что в конечном итоге наркотики губят людей как физически, так и духовно <...> низводят до уровня животных и разъединяют»⁶. В фантастическом рассказе «Конец Калиюги» Сталкер ещё резче противопоставил наркотики хиппизму: «...многие наркоманы называли себя хиппи <...> не было объективного критерия. Каждый под-разумевал под хиппи всё, что ему вздумается»⁷. Увы, авторы упомянутого манифеста «всё, что им вздумается» понимали под словом «Бог»: «Бог

един, как бы его ни называли — Иисус или Будда, Великое „Я“ Вселенной, Брахман или Кришна. В неявной форме Бог присутствует и в мировоззрении материалистов ... Материалисты верят в некоторые нравственные идеалы... Эти идеалы и есть Бог. <...> В последние годы в Системе наметилась ещё одна тенденция — многие системные люди начали заниматься тем, что принято называть „окультизмом“, <...> к этой тенденции мы относимся положительно. По-видимому, здесь действительно скрыты колоссальные резервы возможностей человека. Это — путь, и это путь к Богу»⁸. Попытка создать новую Систему и без наркотиков и без ясной веры, на основе всерелигиозного оккультизма, кончилась трагично — самоубийством Сталкера. И не его одного.

Путь русских хиппи к церкви был трудным. В появившемся вскоре анонимном «Манифесте Союза солнечных лучей» (Ленинград, 1987) повторялось уже знакомое: «Мы верим в Христа, но... как в символ, отразивший в себе высокие и мудрые идеалы человечества, его тысячелетний опыт»⁹. Но далее утверждалось: «В поклонении Христу — стремление каждого из нас достичь его духовного уровня для того, чтобы чувствовать за собой право проповедовать среди окружающих...»¹⁰ Авторам этого воззвания, видимо, не приходило в голову, что невозможно проповедовать «символ», что такая проповедь никому не нужна. Но само их желание нести людям «высокие и мудрые идеалы» было весьма красноречиво.

Пожалуй, лишь в конце 1980-х годов, когда повсюду в России начали открываться полуразрушенные храмы и монастыри, движение к право-

славию стало для русских хиппи осознанной жизненной потребностью, духовным выбором. Одни просто покидали Систему, другие шли дальше, становились церковными сторожами, иконописцами, священниками и их жёнами, а некоторые полностью оставляли «больной мир» — уходили в монашеские общины.

Василий Бояринцев (Лонг) так описывает поворот к церкви московских хиппи:

«Началось с того, что приятель мой Миша Павлов неожиданно исчез из Москвы в какой-то неведомый тогда монастырь под названием „Оптина Пустынь“... Первым „хипповым“ иеромонахом в только открытой после реставрации Оптиной, так сказать, первого пострига, стал Гоша Террорист — о. Сергей (Рыбко)... Тогда же, пройдя монастырское послушание, принял постриг о. Тихон, бывший автостопщик, поэт и фотограф... Ещё один оптинский „ветеран“ — иеромонах Парфений, в прошлом крутой тусовщик...

Володя Андерсон. 1973 г.

Он же — игумен Серафим. 2008 г.

Иеромонах Василий, регент хора Иоанно-Предтеченского Скита Оптиной Пустыни, бывший рок-вокалист одной из московских групп... А на клиросе в самой Оптиной выдающийся бас — послушник Михаил — не скрывает, что до ухода в монастырь играл во многих „подпольных“ рок-группах... Виктория, бывшая жена Миши Павлова, ставшего потом о. Макарием, теперь уже не Виктория, а инокиня Ксения — приняла постриг в каком-то монастыре в Ивановской области... В Шамординском женском монастыре — благочинная обители матушка Сергия также бегала в своё время в Оптиной вокруг отца Сергия, вся в феньках и прочих прикидах»¹¹.

К церкви часто приходили семьями. Разум — атеист, но душа по природе христианка и неминуемо страдает от ига «свободной любви», той, что почти всегда заканчивается мрачным бездетным одиночеством. Любовь по природе свободна, если не превращается в торговлю собой или общинный ритуал. И поцелуй родился вовсе не в первобытных пещерах, а в христианских катакомбах. Это был знак высшей любви: целование — чело к челу — душа к душе. «Системные герлы» понимали это первыми и отходили от хиппизма с его заповедями «фрилава» и «психоделики». Веря, что Бог поможет выжить, что будущие дети родятся здоровыми, они молились за их мятущихся между небом и адом отцов, и те прозревали, становились мужьями, шли вслед.

Началом пути были городские тротуары, отправными точками — вершины светской культуры. Неизвестный автор, ныне насельник Скита Оптиной Пустыни, вспоминает о состоянии юношеского поиска: «...манила подпольная жизнь, „андеграунд“, власть цветов, сладкая подкрашенная свобода. Мы сидели, прищурившись, на грязном асфальте в потёртых штанах, с томиком Гессе в руках, и весь мир, казалось, был наш. Мы играли, как дети, в найденный на дороге бисер, и ничего не знали о Боге...»¹²

Алиса Чёрная (Тилле). Начало 1980-х гг.
Она же — мать Нектария. 2010 г.

«Сверхсознание» М. Лодыженского даёт человеку ту ослепительную вертикаль, которой нет в «Книге мёртвых» Т. Лири — проповедника наркотического «расширения сознания», что двухтомник Вл. Кожевникова «Буддизм и христианство» богаче идеями, чем откровения Аткинсона — Рамачараки, а православные старцы теплее и проникновеннее дзенских учителей...

В размышлениях и спорах выросли души и заново строились судьбы. Истинная свобода лишь ждала впереди и требовала непрерывного преодоления себя. Наступал день, и прошлое начинало всё быстрее рушиться за спиной. Бывшие хиппи отказывались сразу от всей прежней «грязи» — наркотиков, алкоголя, сигарет, консервов, животной пищи. Жили аскетами, голодали «по Брэгу», лечились «по Аюрведе», овладевали пранаямой, поселялись посреди дикой природы, ходили босиком, купались в ледяной воде, восхищались природой, арт-роком, искусством и поэзией. Сама жизнь становилась для них художественным творчеством, каждодневным «творением себя». Они занимались философией и духовным созерцанием, искали «сатори» и... приходили к православию, изумлённо открывали в себе древние архетипы «народной веры» — религии «исступления и восторга», покаяния и праздника, рыдания и радости.

Русская рок-музыка зрела одновременно с движением хиппи, наиболее ярко выражая его стихийную философию жизни, поначалу состоявшую всего из двух слов: «свобода» и «любовь». Затем к ним присоеди-

Но слово «Бог» уже теплилось в душе. В круг чтения хиппи попадали не только писания американских битников, западных интеллектуалов, восточных мистиков. Они были знакомы и с ходившими в самиздате книгами по русской религиозной философии и эзотерике: от произведений Флоренского и Бердяева до «Откровенных рассказов странника» и тёмных трактатов Блаватской. С удивлением обнаруживалось, что

лось третье — «вера». С начала 1980-х годов в творчестве лидеров отечественного рока зазвучала христианская тема. Борис Гребенщиков в альбоме «Скоро кончится век» (1980), на обложке которого красовалась статуя Будды, признавался в одной из песен: «Но чтобы стоять, я должен держаться корней». Спустя много лет, в интервью «О буддизме и православии» (2008), он так определил свои духовные искания: «Начиная приблизительно с 83–84-го года я серьёзно открыл для себя православие... И был увлечён и до сих пор увлечён фантастической красотой православия и гармоничностью его в России... Я продолжаю испытывать глубочайшую любовь к православию, но знаю, что это не та система, которая может мне позволить выразить себя целиком»¹³. Более последовательным оказался Юрий Шевчук: обратившись к православию, он уже не колебался. Знаменитой стала его песня 1985 года «Наполним небо добротой»:

Вперед, Христос, мы за тобой
Наполним небо Добротой!

Призыв принять высшие ценности жизни был вызовом не только атеистическому государству, но и безверию среди самих хиппи.

Сознательное обращение к Богу всегда является личным выбором, и потому среди свобододолюбивых хиппи приход к православию не мог стать «модным», массовым явлением. Каждого ожидал свой неровный и обрывистый путь. А. Славососов, много лет шедший мимо христианства, уже незадолго до смерти покаянно просил в одном из стихотворений:

Обними меня крепче, любимая, обними меня крепче,
Помолись обо мне
Божьей Матери да Иоанну Предтече.

Перечёркивая своё прежнее богоборчество, он признавался:

Но и мне, невольнику идеи,
Так хотелось зваться Homo Dei¹⁴.

Что помешало бывшему Гуру сказать о себе так ещё в юности? Как сделался он «невольником» собственных безумных идей? Ведь когда-то именно он утверждал: «Рок для нас — весёлая и смертельная игра, вроде русской рулетки. Кто-то назвал хиппи вымирающим племенем — верное

Основоположники русского рока:
Борис Гребенщиков и Майк
Науменко. Питер. 1978 г.
Фото Андрея (Вилли) Усова

определение по сути своей. Если рок и назвать искусством, то лишь Art of Dying...»¹⁵ Ко времени написания «Канона» многие хиппи уже отвергли «умирание в роке». Они избрали иное искусство — подвижническое «умирание для мира» и другой рок — в котором звучала проповедь православия. Рок-музыка в те годы казалась понятней и была слышней полузадушенного голоса Церкви, она звала русских хиппи к христианству.

Юра Террорист. 1976 г.

Он же — игумен Сергей (Рыбко). 1990-е гг.

Известный миссионер, о. Сергей (Рыбко) поясняет: «Мы искали Истину... рок-музыка — почти только одна она — решалась сказать правду... По крайней мере, я впервые услышал Евангельские тексты в переложении рок-музыкантов...»¹⁶ Он признаёт не без горечи: «Это был поиск Бога для нашего поколения, поиск очень тяжёлый, связанный со многими потерями друзей, потому что не все дошли до конца, кто-то

свернул в сторону — но кто-то дошёл, стал православным христианином, а многие — священниками»¹⁷.

Евгений Балакирев (Крот), представитель следующего поколения хиппи, в «Саге о Системе» (Владивосток, 1999) имел основание заявить: «Религиозные вопросы не были прерогативой Системы — точно так же, как она не могла дать человеку окончательного мировоззрения, способного стать основой всей дальнейшей жизни... Системный пипл жил внутри своей мечты — а попросту нигде (в пространстве мифа). Он был... обитателем миража»¹⁸. Именно это и погубило русский хиппизм. В Системе после отхода христиан гуманистический миф «преображения жизни» затмили возникшие на Западе идеи психоделического прорыва к «первобытному» существованию — растворению в «природном» и «докультурном». Балакирев с сожалением признаёт: всё, что осталось от движения, состоит из «великовозрастных люмпенов и их подросткового окружения», для которых характерны «антиинтеллектуализм» и «глубокий провинциализм мысли»¹⁹.

В постсоветское время — всеобщих свобод и всеобщего обнищания — хиппи, так и не обретшие веры, легко превращались в бомжей, умирали от наркотиков и алкоголизма. Движение потеряло начальные ориентиры и постепенно сменилось «панк-движухой» — сборищами фанатов всё более «тяжёлых», «металлических» рок-групп, яростно отрицающих романтизм своих предшественников. Вместо хиппового «ринга», означавшего венец художника и творца, они клеймили свои лбы грязной печат-

тью «панк». Для них «несчастливым случаем» являлась уже не смерть, а сама жизнь. «Русский прорыв» стал смертельным надрывом русского рока.

Нужно ли всё проклинать, если «клины» лишь в собственной голове? У этого по сути тупикового направления есть приверженцы и ныне, в основном среди начинающих музыкантов. Но кроме оглушающих ремейков старого панк-рока — «жесткача» в голосе, потоков грязноречия, тоски по самоубийству, «готических» монстров в видеоклипах, крика вместо голоса и очень плохой музыки — они не способны предложить ничего, что затмило бы «сценическую апокалиптику» безбожника Егора Летова или «православного панка» Романа Неумоева.

Юность не рифмуется со смертью. Жизненный выбор делает не разум, а подсознание — тайный покровитель души. Так в человеке пробуждается вера, и рука с татуировкой греха впервые совершает крестное знамение. Ответом на «постперестроечное» массовое помешательство и эпидемию молодёжных самоубийств стало лучшее, что создали русские хиппи, — рок-музыка. В ней крики гнева и хулы сменила неумелая молитва. В 1990-е годы стало отчётливее и заметней новое культурное явление — «православный рок», зарождение которого связано с питерским ансамблем «Галактическая федерация». Но, бесспорно, к нему можно было бы отнести и «ДДТ», и «Наутилус», и «Алису», и «Чёрный кофе», и «Легион»...

Говоря о распаде Системы, Е. Балакирев был прав лишь отчасти: с её исчезновением русские хиппи отнюдь не исчезли. Верно утверждение: «хиппи... — это состояние души, сродни явлению Божией Благодати»²⁰.

Бывший «системщик» о. Никита Панасюк и в наши дни не перестаёт утверждать: «В душе я по-прежнему хиппи. <...> По сути хиппи проповедовали евангельские истины. Прежде всего — любовь и свободу, которые, по словам святого Николая Кавасилы, являются двумя главными тайнами христианства... Нас невозможно уничтожить — мы возрождаемся в каждом новом поколении»²¹.

Никита Панасюк — рок-ударник. 1980-е гг.
Он же — протоиерей Никита Панасюк. 2010 г.

Это замечательное признание говорит о многом. Прирождённые миссионеры, хиппи нашли своё духовное пристанище в живой, открытой, миссионерствующей церкви. Так было и в США, в деятельности «Jesus Move-ment», основанного бывшим хиппи Л. Фрисби. Так стало

и в России, когда Церковь добилась свободы обращаться «и к эллину и к скифу», чтобы всех обратить к вере. Изменился язык православия, стал богаче, а к древним церковнославянизмам добавился живой говор улицы. Образ хиппи в глазах современной молодёжи также стал иным: «любого человека, озабоченного... состоянием своей души, своей внутренней свободой... можно считать хиппи... Без веры в Бога вообще невозможна жизнь... Никаких тусовок мы не проводим. Мы свободны даже от этого слабого намёка на обязаловку... Мы все — просто друзья...»²²

Нынешний хиппи — это тот, кому, как и прежние времена, нужна свобода, истина и красота, кто живёт, чтобы любить, открыт вере и ни на кого не похож посреди толпы, ряженой по очередной подростковой моде.

Придуманное скорее журналистами, чем теми, кого им обозначали, словечко *hippies* никогда не имело строгого определения: «модный», «стильный», «тот, кто в курсе»... Всё мимо смысла. Между тем вопрос о сути русского хиппизма становится крайне важен, когда под словом «хиппи» пытаются объединить представителей всех «молодёжных субкультур», а их поиски жизненного пути насильно противопоставить поискам веры.

...Мелкие книготочцы, незрячие жуки-буквоеды, выгрызающие в священных книгах заглавные буквы и имена. Хитрыми ходами ползут между строк и слов и ликуют, ни в чём не находя смысла. Грустно, когда им уподобляются люди и их души и дотла истачиваются слепой злобой. «Оддочный человек» и очередной «учитель хиппи» Андрей Мадисон далеко не первый, кто занимался «толкованиями» Евангелий. Но при всём желании свести их к «популистской риторике», «шизофреническим формулам», «колдовству», «свальным исцелениям», «мазохизму анахоретов», «зернам священного абсурда», он оказался не в состоянии умалить значение Нагорной проповеди. Даже после всех своих глумлений он продолжал считать её «одним из самых возвышенных напечатлений духа на бумаге». Разумеется, Мадисон вынес христианству уничтожающий приговор: «отрицание естественной жизни воплощается в утверждении неестественной смерти»²³. И завершил свои писания так: «Меня интересовали только семантика и синтактика аферы под названием „христианство“, а не его прагматика. Больше не интересуют»²⁴. Это и были его предсмертные слова, пусть написанные ещё в 1984 году, задолго до самоубийства в 2009-м.

Немного стоят и «научные исследования» русского хиппизма, если они основаны на затхломе советском атеизме. В известнейшей книге Т.Б. Щепанской «Символика молодёжной субкультуры» (1992) среди десятка выделенных автором «символов принадлежности к Системе» — «смерть, сумасшествие, наркотики, детство, восток (инь-ян, дао, дзэн-буддизм, тантризм, йога, кришнаизм, шиваизм, разного рода медитативные практики)» — не оказалось ни любви, ни свободы, ни христианства²⁵. Столь же далеки от истины выводы учёной дамы М. Миндолиной: «настоящему хиппи претит принадлежность к какой-либо одной религиозной

конфессии»²⁶. К сожалению, среди специалистов по молодёжным движениям слишком много любителей идеологических «переводных картинок» из недавнего прошлого.

Нынешние самозванные идеологи так называемых «неформалов» (бессмысленный комсомольско-милицейский термин) опускаются в борьбе с православием ещё ниже — до уровня «Общества воинствующих безбожников» сталинских времён. Любава Малышева, главный редактор портала «hipru.ru», представляет хиппизм как амальгаму всех без разбора молодёжных объединений: «Хиппи существуют до сих пор повсеместно... В Систему в разные времена входили хиппи, панки, рокеры, байкеры, эзотерики, диссиденты всех мастей, барды, ролевики, туристы, фарцовщики, гомосексуалисты, криминальная субкультура и пр.»²⁷. Слово «хиппи» полностью лишается ею смысла, а христиане среди них упоминаются лишь в одном, придуманном самой Малышевой контексте: «Пьющие хиппи старшего поколения... в основном православны, плавноперетекающи в махровый национализм и откровенный фашизм»²⁸. Ниже на той же веб-странице она добавляет: «Из современных русских хипов православное отделение, ко всему прочему, демонически гомофобно»²⁹. В статье «Тенденции. 2006» поучает: «...религиозность — это признак того, что человек прекратил поиск. Он, что называется, нашёл. Полагаю, в некоторой степени, в той, в которой вообще существует духовный поиск, религия — это духовная остановка»³⁰. Малышевой нельзя отказать ни в фанатизме, ни невежестве: ведь любая религия — это «описание пути», это «установление связи» с Богом. Но если искать абстрактную «духовность» вне дороги и веры — на «пустых холмах», — находкой будет лишь пустота.

На этом портале, существующем с 2004 года, в рубрике «Взгляды хиппи» есть раздел, звучно названный «Лестница в небо» с подразделом «Духовный поиск». Неудивительно, что там, где молодёжи прописаны нужные направления «духовных исканий», среди различных течений протестантизма, восточных религий, «естественной сексуальности», «кошерной кухни» (?) и прочего, православие едва упомянуто — и то косвенно. Зато помещена анонимная «Антирелигиозная листовка», пытающаяся представить христианство «религией ненависти», и ещё некая «Парадигма христианства (сайт Абсентиса)»³¹. Автор этого сайта, некий «бывший атеист», под именем «Денис Абсентис» создавший в «LiveJournal» свой сайт «Дом Антихриста»³², публикует на нём изыскания на тему бесчисленных злодеяний христианства в Европе и России³³.

К своей «лестнице в небо» Малышева приделала и другие «ступеньки»: «Феминизм» (речь ведётся о «Феминистских деконструкциях сексизма в христианстве», о «Гендерном анализе религий» и «Роли религии в формировании гендерных стереотипов»), «Freelove» (площадка «борьбы с гомофобией»), «Альтернатива» (посвящена современному анархизму) и пр.³⁴ Этот «куратор» молодёжных движений уже несколько лет издаёт на «Хиппи.ру» журнал «молодёжных альтернатив» «Вместе» с весьма крас-

На колокольне Донского монастыря в Москве.
Пасха 1985 г.

норечивой рубрикацией: «свободная любовь, психоактивные вещества, альтернативная семья, альтернативное отношение к работе, альтернатива религии...»³⁵.

Понятно, что у Малышевой могут быть и ярые сторонники, вроде Маргариты Пушкиной, редактора журнала «Забриски Rider» (существует с 1994 года), предназначенного для «абсолютных пофигистов» среди моло-

дёжи. Они, по мысли Пушкиной, должны прийти на смену хиппи — «волосатым»³⁶. Есть в молодёжной культуре и те, особенно среди рок-звёзд, кто вполне искренне держится на расстоянии от Православной церкви. Но эти люди всегда говорят от своего имени и не пытаются осуществить «дехристианизацию» молодёжных движений методами советской пропаганды. Неудивительно, что в последние годы и они всё чаще называют себя православными. Таковы, к примеру, обличители «церковников» Сергей Калугин и Дмитрий Ревякин или певица «жизнесмерти» Анна Герасимова (Умка).

Вадим Лурье («иеромонах Григорий» катакомбной церкви) лет десять назад уверял: «эксперимент с религией в русской рок-культуре провалился...»³⁷ По случайному совпадению на рок-сцене почти одновременно с публикацией в Интернете этого приговора взошла новая звезда — Ольга Арефьева. В ноябре 2001 года она победила в номинации «Лучший исполнитель» на Международном фестивале христианской песни «Поющий ангел», проходившем в Москве, в храме Христа Спасителя. От своей ранней песни «Аллилуйя» (1989) до последнего диска «Авиатор» (2010) Арефьева не прекращала предельно трудного восхождения в вере, срывалась и молила: «Помоги мне, Господи — Твоя власть. /Ниже, чем упала, не упасть»³⁸. В словах из «Авиатора» слышится её возвышенное кредо:

Это моё задание —
В небо поднять любовь³⁹.

Путь Арефьевой в современном роке не исключение. Отец Сергей (Рыбко) уверен: «наши рок-музыканты, наши корифеи, медленно, но верно идут к Православию: „Алиса“, БГ, Шевчук, „Воскресение“, „Машина времени“...»⁴⁰ Бывший хиппи, а ныне игумен, он по себе знает силу «небесного притяжения»: «И дальше процесс будет идти, потому что настоящий андеграунд — это из грязи вверх. А вверху уже только один Бог. Дьявол не имеет такой силы... Он работает в низменных областях. А все светлые вещи — это Бог»⁴¹.

«Много званных, но мало избранных...» Конечно, далеко не все первые русские хиппи пришли к православию, но есть признаки того, что спустя четыре десятилетия их религиозные искания, их в основе христианская утопия «преображения жизни любовью» вновь обретают последователей.

Новое поколение молодёжи отказывается от наследия «абсолютных пофигистов» и начинает свой поиск веры. И не столь важно, называют ли они себя «хиппи» или как-то иначе.

¹ *Арви Хэккер (Илья Васильев)*. «Летопись московской Системы» (2004). Цит. по: <http://www.hippy.ru/left/arvi/lostory.html>

² Цит. по: <http://www.liveinternet.ru/community/optina/post140817785>. В 1977 году А. Дворкин уехал в США, где через несколько лет крестился под влиянием известнейшего эмигрантского священника Иоанна Мейендорфа.

³ Цит. по: <http://flowerhip.narod.ru/zrider1.html>

⁴ Цит. по: <http://enatramp.narod.ru/arhiv.files/guru.files/kanon.html>

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: <http://enatramp.narod.ru/arhiv.files/stalker0.files/manifest.html>

⁷ Цит. по: <http://enatramp.narod.ru/arhiv.files/stalker0.files/stalker0.html>

⁸ Цит. по: <http://enatramp.narod.ru/arhiv.files/stalker0.files/manifest.html>

⁹ Цит. по: <http://www.hippy.ru/f48.htm>

¹⁰ Там же. В «Манифесте экстростиля» Александра (Купера) Куприна (1992–1995) вновь воспроизводилась столь привычная для хиппи внецерковная религиозность: «Бог — в основном, это любовь». Цит. по: <http://www.hippy.ru/extrostyl.html>

¹¹ Цит. по: <http://bazilevs.narod.ru/page4.html>

¹² Цит. по: <http://bazilevs.narod.ru/waytoscit.htm>

¹³ Цит. по: <http://www.biolocation.ru/forum/index.php?topic=195.0>

¹⁴ Цит. по: <http://nattch.narod.ru/aslavorosov.html>

¹⁵ Цит. по: <http://enatramp.narod.ru/arhiv.files/guru.files/kanon.html>

¹⁶ Цит. по: <http://korolev.msk.ru/books/919/rybko5/H07-T.htm>

¹⁷ <http://www.patriarchia.ru/db/text/117339.html>

¹⁸ Цит. по: <http://www.hippy.ru/vmeste4/11.htm>

¹⁹ Там же.

²⁰ Цит. по: <http://www.hippy.ru/vmeste5/6.html>

²¹ Цит. по: <http://www.bazilevs.narod.ru/nikita.htm>

²² Высказывание из молодёжной прессы. Цит. по: <http://www.hippy.ru/hk21.htm>

²³ Цит. по: <http://enatramp.narod.ru/izvo.files/madison.files/1math.html> и сл.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: <http://subculture.narod.ru/texts/symbolism/index.html>

²⁶ Цит. по: <http://www.socionavtika.net/Staty/Sociopraxis/mindoll1.htm>

²⁷ Цит. по: <http://www.hippy.ru/hist.html>

²⁸ Там же, в разделе «Повышение уровня культуры людей: духовный поиск».

²⁹ Там же, в разделе «Фрилав».

³⁰ Цит. по: <http://www.hippy.ru/tend2006.html>

³¹ Цит. по: <http://www.hippy.ru/stairs/rel.htm>

³² См.: <http://absentis.livejournal.com>

³³ См.: http://absentis.org/abs/lsd_01_preface.htm

³⁴ См.: <http://www.hippy.ru/stairs.htm>

³⁵ См.: <http://www.hippy.ru/vmeste.htm>

³⁶ Цит. по: <http://www.margenta.ru/zabriskie.shtml>

³⁷ Цит. по: <http://old.russ.ru/culture/20010606.html>

³⁸ Цит. по: <http://www.ark.ru/ins/lyrics/Gospodi.html>

³⁹ Цит. по: <http://www.ark.ru/ins/albums/aviator/aviator.html#aviator>

⁴⁰ Цит. по: <http://www.interfax-religion.ru/index.php?act=radio&div=449>

⁴¹ Цит. по: <http://www.spb-army.narod.ru/mm26.htm>